

24. А потомъ стали они надъ ей *изъязвѣнца* (ругать). Она стала жаловацца мужу, что плохая ей *жизнь*. Иванъ купеческій сынъ, не говоря не слова, вынимаетъ кремень и плашку и приказалъ своими рабочими съ царя и царицы голову снять. Остаецца самъ царствовать. Схоронилъ царя и царицу; старушку предоставилъ изъ королевской земли въ русское государство (тѣшшу свою на мѣсто матери); а отцу отписалъ: „Я теперь наступилъ въ царствѣ царемъ“.

5. [Братъ и сестра].

1. Мужичокъ забавлялся стрѣлять. Жилъ онъ въ Уралѣ. Онъ ничѣмъ *окромѣ* не занимался, все стрѣльбой забавлялся. И вотъ онъ въ день ничево не могли застрѣлить; трое сутокъ живутъ голодомъ. Повѣчеру приходитъ отецъ съ матерью и говорятъ; отецъ говоритъ: „давай дочь заколемъ!“ а мать не даѣтъ дочь колоть: „чѣмъ дочь колоть, давай сына заколемъ!“ А отецъ сына не даетъ.—„Перетерпимъ это дѣло, переночуемъ! Завтра поутру не застрѣлимъ ли каково звѣря — питацца? А если не застрѣлимъ, тогда которова-нибудъ изъ ихъ заколемъ!“

2. Сынъ это дѣло слышалъ—разговоры ихъ—и говоритъ сестрѣ: „Сестра! ставай, собирайся, пойдемъ, если хочешь живая быть!“ — „Куды жо мы, Васинька братчикъ, пойдѣмъ?“—„Пойдемъ мы съ тобой въ Уралъ дальше“.—Рѣшились они; дальше ушли, очень далѣко отъ своего жилища. Идетъ и думаетъ: „Господи, никакой звѣрь не попадать, хоть бы я застрѣлилъ“ (молодецъ этотъ).—И летитъ вѣрхомъ голубь. Онъ какъ направилъ, голубя застрѣлилъ, молодецъ. Огня съ *имя* не было. Онъ закатилъ (зарядилъ) кудельной пыжъ, потомъ въ *муравьишно* сухое стрѣлилъ,—муравьишно загорѣло.—„Сестра, ты *покулъ* шшипля голубя, а я ешшо похожу вокругъ етова мѣста, — не застрѣлю ли ешшо ково?“—Не велѣлъ ей отходить отъ тово мѣста ужъ.

3. Отошолъ онъ не очень далѣко и видитъ: виситъ на дубу сабля и ремѣнь. Ремѣнь этотъ ровно какъ золотомъ покрытой *зьяетъ*, *бѣльно* хорошой, *заглянулъ* ему. Потомъ онъ залѣзъ на этотъ дубъ, снялъ саблю и ремѣнь, надѣлъ на себя,—и сдѣлался сытъ и силенъ. Отъ этого дубу—

видитъ—тропá.—„Што за тропá? *Поду* по этой я тропá“.— Немножко отошолъ, слышитъ разговоры человѣческіе. За этакой *чашшійкой* сидѣли 30 разбойниковъ. Выходитъ изъ-за чашшійки атаманъ-разбойникъ и говоритъ: „братцы, сѣдни никово не удалось намъ убить, такъ давайте лучше вино пить!“— Молодецъ подходитъ къ *имя*. Атаманъ-разбойникъ смотритъ: на нимъ сабля и ремень очень хороша, и приказалъ своими товаришшами этова человѣка убить, саблю и ремень снять съ нево. Васинька не сробѣлъ, началъ ихъ саблей косить и прирубилъ всѣхъ 30 разбойниковъ и въ кучу склалъ ихъ.

4. Дальше самъ по тропѣ пошолъ и *натакáлся* на ихъ домъ. Приходитъ въ домъ, нашолъ тамъ бѣлова хлѣба и жаркова; тогда онъ наѣлся хорошо тутъ. Увидѣлъ на стѣнѣ онъ ключи и пошолъ по амбарами. Отворилъ первой амбаръ, видитъ—одежды много навѣшано, а вся въ кровѣ. Запираетъ этотъ амбаръ, переходитъ въ другой, видитъ—тутъ довольно всево: муки и орѣховъ, и конфетъ, у торговыхъ видно на-граблено довольно. — „Лучше тово пѣтъ: привезти сестру! намъ съ сестрой здѣсь на вѣки не прожить, — всево довольно!“

Пошолъ онъ мимо каюты—тутъ одна каюта лыкомъ завязана, *гъ фъ нъ* запечатана; отворилъ онъ дверь, тутъ шахта; въ этой шахтѣ народу (набитова) навалено множество, прѣть.—„Чѣмъ *имя* [убитымъ имъ разбойникамъ], подлецамъ, на волѣ лежать, пойду перетаскаю ихъ въ эту же шахту, потомъ за сестрой пойду!“—Переташшылъ онъ ихъ всѣхъ; потомъ пошолъ за сестрой, набралъ съ собой закусокъ и орѣховъ сестрѣ. Приходитъ къ сестрѣ; она лѣжитъ чуть живая, голодна.—„Ну, сестричка, пойдёмъ, я домъ нашолъ хорошей, намъ навѣки не прожить! На вотъ тебѣ пока закуски!“—„Я и жевать не могу!“—Онъ жуётъ, какъ малому ребенку, ей закуски; взялъ сестру на руки (та итти сама не можетъ, обезсилѣла) и понесъ съ собой домой; *тожно* приташшылъ ее въ этотъ домъ, принесть ей жаркова, бѣлова хлѣба.—„Вшь, сестра, да не много, чтобы,—говорить:—тебя не здѣло съ голоду! походи, да опять поѣшь, *сизпотѣха*“.

5. Жилъ онъ съ ей трои сутки, никуды не ходилъ, чтобы ей было не тоскливо въ этѣмъ дому. Она въ трои

сутки какъ есь поправи́лась, ходить какъ слѣдуетъ стала. Онъ нашолъ ружья, зарядилъ ружье и говоритъ: „Сестра, я схожу поохотничаю; ты никуда не ходи!“—Сестра сидѣла долгое время, увидѣла на стѣнѣ ключи и захотѣлось ей въ омбарахъ узнать, што есь въ омбарахъ. Отворила перьвой амбаръ,—одежды много въ кровѣ; въ другой амбаръ перешла, много всячины довольно.—„Да, братъ вѣрно сказалъ, што намъ навѣки не прожить!“

Идетъ мимо етой каюты; опануло ее дѣхомъ.—„Што тутъ лежитъ?“—Отворила дверь, заглянула въ ету шахту, увидѣла народъ, испужалась и пала. Атаманъ-разбойникъ хотя былъ зарѣзанъ, но не *вовсе* (заговаривался); схватилъ ее и говоритъ: „назови меня мужемъ!“—„Што ты, братъ, мнѣ за мужа?“ (Она не можотъ очуствовацца). Атаманъ-разбойникъ говоритъ: „я етому дому хозяинъ! зови меня мужемъ! тебѣ ужъ все равно жить!“—Очуствовалась, видитъ, что не братъ; согласилась она ево мужемъ назвать.—„Иди,—говоритъ:—въ комнаты! я буду теперь съ тобой разговаривать“.

6. Завелъ въ комнаты.—„А вотъ што,—говоритъ:—если я твоева брата застрѣлю, тебѣ будетъ жалко. Мы сдѣлаемъ иначе. Если твой братъ придетъ, ты лягъ тогда на койку, захварай! Попроси у брата лисина сала, а лиса не проста: есь Даръ-гора, по этой Даръ-горѣ ходитъ лиса. Лиса не отпустить ево, съѣсь, и ты не увидишь—тебѣ будетъ не жалко“.

Братъ идетъ. Она звалилась на кровать и застонала; а атаманъ-разбойникъ спрятался, виду не подаетъ. Братъ приходитъ, она стонетъ. Братъ ее сожалѣлъ.—„Што ты, милая Маша сестра, захворала *знать-то?*“—„Да, братецъ, захварала, очень у меня сердце задавило“.—„Кабы я зналъ, не знаю куды бы сходилъ за лѣкарствомъ полѣчить бы тебя!“—Она ево и посылаетъ: „поди ты на Даръ-гору, на этой Даръ-горѣ бѣгать лиса; попроси отъ ей молока,—отъ ево я буду здорова“.

7. Онъ надѣлъ на себя саблю и ремень и отправился на ету гору. Приходитъ; только заходитъ на ету гору, бѣжитъ къ ему лиса. Онъ передъ етой лисой на колѣнки палъ. Лиса ему сказала: „Што, молодецъ, тебѣ нужно?“—„Мы съ сестрой живемъ въ такомъ-то мѣстѣ; сестра у меня

захварала; молоко твоё въ пользу ей будетъ; дай мнѣ молока на излѣченіе“.—„А што подъ молоко принёсъ?“ — „Принёсъ я *тѹесъ*“.—Поставилъ подъ её, она ему дала полонъ туесъ. Поблагодарилъ лису и отправился будто бы домой.

Немножко отошолъ и подумалъ: „Што же я такому звѣрю покорился? только *плѹснуть* бы её,—кудѣ ты, изъ её только брыаги (пѹтрохъ) полетить! А я ешо *начитѹюсь* богатырь! Дай я ворочусь, всё таки я её кѹнчу!“ — Только подумалъ,—и не откуль взялись всякова сословія звѣри, окружили ево и хочутъ ево *сѹисъ*, ходу не даютъ ему.—„Да, вотъ я только подумалъ, а мнѣ ужо ходу нѣтъ!“ — Палъ передъ ей на колѣни второй разъ: „прости, Лиса, што я худое на тебя подумалъ!“—Лиса сказала: „только мнѣ осталось скричѣть, и разорвали бы тебя самовѣ! Когда же ты мнѣ покорился, даю тебѣ на сохраненіе лѣва-звѣря; *оглѣдь* лѣва-звѣря, сядь на него и поѣзжай куды знаешь!“—Сялъ на лѣва-звѣря и поѣхалъ къ сестрѣ. Пріѣзжаетъ на лѣвъ-звѣрѣ. Атаманъ-разбойникъ и говоритъ ево сестрѣ: „не съѣла ево лиса, а подарокъ ешо ему дала—лѣва-звѣря“.

8. Атаманъ-разбойникъ не приказалъ ей молоко пить: „Ни черезо много время выплесни ево за окно и *застонай* пушке прежнѣва! Пошли ево: есь здѣсь такая крѣпость, въ етой крѣпостѣ есь яблонь, съ етой яблони яблоко добудешь, такъ буду здорова!“ — Разбойникъ спрятался, а жена пушке тово захворала. Братъ опять къ ей: „Што жо, сестра, неужели я тебѣ молока принёсъ не въ пользу?“—Сестра отвѣтила: „вотъ, братчикъ, отъ етова боку отвалила, а къ етому привалила, какъ камень, здыхать не могу!“ (Оммѣнѣвать брата-та).—„Ну, сестра! кабы зналъ, не знаю бы я куды сходилъ, я *еишо* за лѣкарствомъ!“ — А сестра: „Братчикъ, сходи жо ты сюды, тутъ есь крѣпость, въ этѣй крѣпостѣ есь садъ, тутъ есь яблонь; съ етой яблони при-ташшѣ мнѣ яблоковъ—и я съ ихъ буду здорова!“

9. Онъ надѣвать на себя саблю и ремень, оглѣдилъ своево лѣва-звѣря и поѣхалъ. И сталъ онъ до етой крѣпости доѣзжать. Не доѣзжая етой крѣпости, старичокъ спустился къ нему съ небѣсъ на воздухъ, на сивомъ конѣ.—„Што, молодецъ, получилъ ли ты отъ меня подарокъ? хорошъ ли?“—Васинька одумалъ: „это непременно сабля и

ремень ево! — Спасибо, дѣдушко, на саблѣ на ремнѣ, хорошѣ твой подарокъ!“ — „Подарилъ бы я тебѣ коня изъ-подъ себя, только намъ съ конемъ обѣмъ помирать скоро. Нѣ, ещо я дамъ тебѣ подарокъ, дудочку. Знашь ли ты какъ въ еѣ играть?“ — „Знаю“ — „Ну, знашь, дакъ сказывать нечево!“ — Распростились. Вася впередъ поѣхалъ.

10. Приѣзжають къ этой крѣпостѣ. Устроена ета крѣпость 12 сажень высотой и три проволоки протянуты сверхъ крѣпости; и на послѣдней проволоки висятъ тамъ колокольчики-ширкунчики, што ужъ если ногами задѣнешь, такъ услышатъ. Онъ кругъ крѣпости ѣздилъ, нигдѣ воротѣ не могъ найти. (Воротѣ-та у ихъ въ подземелью закладывающа). И сколько Ваня не лѣзетъ, не можотъ на крѣпость залѣзти, все падаютъ. Левъ звѣрь глядитъ, што ему залѣзти нужно, и показывалъ ему на свою спину, сядица ему. Сялъ на лѣва-звѣря.

Лѣвъ-звѣрь разбѣжался, заскочилъ на крѣпость, за послѣднюю струпу задѣлъ ногами; перевалился въ крѣпость съ Васинькой. Выскакивали 300 разбойниковъ. *Покўль* онъ оправлялся, могли они ево связать. Приводятъ къ атаману. Атаманъ сказалъ: „Молодецъ, какую ты смерть себѣ желаешь — на вѣселицу или живова въ могилу закопать?“ — Вася сказалъ: „лучше меня задавите, скорѣе мнѣ смерть будетъ получить; живой въ могилѣ я долѣше промаюсь“.

11. Повели ево на вѣселицу: излажены столбы и подлажена петля про ево. Онъ какъ залѣзъ на вѣселицу и говорить: „Братцы, есь у меня забава; не позволите ли передъ послѣднимъ разомъ забавить свою душу — поиграть въ дудочку?“ — „Если атаманъ дозволить, такъ и мы дозволимъ“ — Велѣлъ онъ спросить атамана. Атаманъ сказалъ: „если онъ хорошо играетъ, не давите ево: онъ будетъ насъ забавлять, будетъ съ нами жить“. — Прибѣгаетъ молодецъ: „Играй! если ты хорошо будешь играть, будешь ты оставленъ живой, будешь насъ забавлять!“

Онъ зыигралъ въ дудочку, — и вышелъ полкъ солдатъ; дунулъ другой разъ, — и вышелъ другой полкъ солдатъ. Приказалъ онъ солдатамъ всѣхъ перерѣзать триста разбойниковъ. — „Которая шахта мнѣ приготовлена, ихъ туда перетаскайте въ одну груду, штобы видѣлъ!“ Приказалъ ещо поискать, нѣтъ ли ково гдѣ ещо; ладомъ по-

искать велѣлъ: сумлѣваецца. Онѣ искали. — „Больше никово не могли найти!“—отвѣтили.

12. Онѣ слѣзъ, пошолъ въ *ѣти* комнаты. У ихъ очень. комнаты хорошія; у атамана кровать изукрашена всѣхъ лучше. Разыскалъ онѣ въ комнатѣ пишны, понаѣлся и лѣва-звѣря накормилъ. Увидѣлъ онѣ на стѣнѣ ключи, пошолъ по амбарамъ искать ихъ богатство. Заходить въ первой амбаръ: одежды много награблено, — въ кровѣ виситъ; въ другімъ амбарѣ много денегъ, чаю, сахару и всево довольно. Перешолъ въ комнату; *заглянулася* ему атаманова постеля: „*да-жо* я полежѣ, отдохну!“

Легъ на кроватѣ, лежитъ и вдругъ — человекъ состо-
налъ. Соскочилъ Васинька, началъ искать, обнажилъ свою саблю; искалъ много время, никово не могъ найти. Легъ онѣ во второй разъ, — пушнѣ этово опять состоналъ. За-
глянулъ онѣ подъ постель, видитъ: тутъ западнѣ (въ родѣ—
гѣлбецъ). Отперъ эту западню, туды ходъ; спустился съ лѣвомъ-звѣремъ, оба. Комната тѣма; въ этой комнатѣ огонь горитъ. Въ этой комнатѣ никово нѣтъ; онѣ переходитъ тамъ въ другую ешо комнату. Въ третей комнатѣ стоитъ дѣвѣца на столѣ, цѣпѣми прикована. Дѣвица кричитъ: „Атаманъ-разбойникъ, не страшѣй! съ лѣвомъ-звѣремъ ешо пришѣлъ! не пойду я за тебя замужъ!“ — Молодецъ отвѣчалъ ей: „Я не атаманъ-разбойникъ, я хресъянской сынъ; явился сюды, а хозяйевъ я перерѣзалъ всѣхъ; нѣту хозяйевъ!“ — „Ковда жо ты ихъ перерѣзалъ, обрывай моѣ цѣпи, выводи меня отсюдова кверху!“

13. Тогда онѣ оборвалъ цѣпи, вывелъ еѣ кверху. Тогда она и говорить: „Ну,—говоритъ:—называю я тебя мужомъ, а ты называй меня женой! Я роду не простова, я царская дочь! А ты человекъ непоученой?“—„Я человекъ непоученой!“—Васинька взялъ въ понятіе: „коуды царская дочь, то етова не будетъ: отецъ не одасъ за неученова замужъ!“—На отвѣтъ сказала: „Я ужъ чѣ сказала, то и будетъ! Я тебя поучѣ грамотѣ, поживемъ мы здѣсь съ тобой!“—Учила она сво день и ночь, и онѣ старался—началъ понимать отъ ей хорошо.

Жисъ ему *заглянулася*.—„Кабы мнѣ сюды сестру. ешо достать, такъ веселѣе троимъ жить!“ То у ево *млѣнье* было, штобы достать сестру. Сходилъ онѣ въ садъ за са-

дóвымъ яблокомъ; запасъ сотню онъ ихъ; ночью хочетъ сходить за сестрой (чтобы жена не знала). Ей не поясняетъ. *Ночнымъ бытѣмъ* усну́ли оба крѣпко. Поторопился Васинька; не взялъ съ собою не саблю, не ремня, не льва звѣря; только взялъ съ собою яблоки и ушолъ за сестрой.

14. Просну́лась царская дѣвица, хватилась,—съ ей мужа нѣтъ; кричѣла въ комнатахъ и во дворѣ,—нигдѣ ево нѣту. Покричѣла много время, потомъ здумала за имъ вслѣдъ ѣхать. Левъ звѣрь привыкъ къ ей; оглѣдила она лева-звѣря, взяла саблю и ремень, сяла на лева-звѣря и поѣхала искать ево (мужа). Левъ звѣрь допустилъ ево до разбойникова дому, не догна́лъ Васю.

Увидалъ разбойникъ Васю и говоритъ: „Братъ твой идѣтъ, съ имъ не сабли, ни ремня, ни лева-звѣря нѣтъ, а идѣтъ такъ, видно безъ яблоковъ“.—Сестра на то ему сказала: „когда у ево сабли и ремня и лева-звѣря нѣтъ,—силы у ево мало; можешь ты ево и такъ убить,—въ имъ теперь силы немно́го!“—Былъ атама́нъ *могúтнoй*; сшибъ ево и нача́лъ по скула́мъ бить ево. До тѣй степенѣ ево билъ...; закричалъ: „жена моя Маша! тапшы вилку,—*выкопалъ* ему глаза! (сдѣламъ кривова)“.—Притапшыла вилку и *выкопали* ему глаза. Тогда онъ запираетъ свою крѣпость; „теперь ты слѣпой, погѣнешь, съ голоду помрѣшь! иди куда хошь!“ (А добивать *во́всѣ* всё-таки онъ ево не сталъ!).

15. Атаманъ-разбойникъ отъ ево удалился. Подѣ́жжаетъ къ ему царская дочь и говоритъ: „Охъ ты Вася, Вася! што ты мнѣ не объяснилъ? Вотъ я тебѣ привела льва звѣря и саблю и ремень принесла!“—„Вотъ, сестра, я тебя *жалю*, а ты меня не жалѣешь! *выкопала* менѣ съ *гулева́номъ* глаза!“ (Онъ думать, што ешо сестра съ имъ говорить; не опаматовался ешо). Сказала царская дѣвица: „я тебѣ не сестра, а жена! если не вѣришь, вотъ пошшúпай лѣва,—звѣрь тутъ, и сабля и ремень; я тебѣ привезла“.—„Левъ-звѣрь, подойди ко мнѣ! я повѣрю“.—Левъ-звѣрь подошолъ къ ему. Онъ огладилъ звѣря и говоритъ: „Названа́я моя жена, поѣдемъ мы въ ету крѣпость; мы будемъ Богу молицца тамъ!“—„Милой ладушка Васи́нька! поѣдемъ мы съ тобой къ морю! не будутъ ли какіе попутчики про-

ѣжжіе, не увезутъ ли въ русское государство, домой?— чѣмъ намъ въ Уралѣ жить!“—Онъ согластенъ: вези куды хошь!

16. Онѣ пріѣзжаютъ съ ей къ морю, и она выставила флакъ. По ихому счастию бѣжить карабъ, и онѣ кричали во всю голову оба; на ихъ глядя и левъ-звѣрь кричѣлъ. *Тоже* на ихъ крикъ подворотилъ корабль ближе къ *имя*; и етотъ корабль отъ нашево-жо государя: разыскивалъ ее три года, эту самую царскую дочь (она ѣздила на *гүльбиши*, съ *гүльбиш*а ее и увезлі). Царь посылалъ на рѣзски генерала холостова: „если ты мою дочь найдешь, я за тебя и замужъ ее отдамъ!“— На мель сбѣжали, отхватили легкую шлюпку и подѣвжжаютъ къ *имя* на берегъ. Узналъ енераль, что царская дочь,---штѣ желали, то видно и нашли!—„Садись, заходи въ корабль!“

Она Васиеньку взяла за руки, тапшыгтъ. Генераль подскочилъ, руки ихія роспыпъ, отпехнулъ слѣпова на берегъ, а ее въ лодку посадилъ. Васиенька заплакалъ: „Ну, названая жена! теперь я погину на сухомъ берегу!“— На отвѣтъ ему царская дочь: „какъ пріѣду я домой, пошлю объ тебѣ рѣзски!“

17. Посидѣлъ время много и сказалъ леву-звѣрю: „Левъ-звѣрь, вези меня въ крѣпость, гдѣ 300 разбойниковъ сидѣли! (а къ сестрѣ не вози!)“. Левъ звѣрь придоставилъ въ ету самую крѣпость. Онъ день и ночь Богу молился. И питались онѣ очень хорошѣ тутъ. Конечно, Богъ ево пожалѣлъ. Во сповиданіе ему пришлѣся, во снѣ видить: „ты,—говорить:—Вася, выйди поутрѣ рано на росу, умывай росой глаза, и будешь видѣть по-старому!“

Не забылъ, чтѣ видѣлъ во снѣ, Вася; утромъ сталъ, Богу помолился и выѣхалъ на левъ-звѣрѣ въ садъ на розгудку. Заѣхалъ левъ-звѣрь въ садъ, остановился. Вася руку свою намачивалъ, протиралъ глаза. А левъ-звѣрь смѣтилъ, что онъ росой умывается, намачивалъ свою лапу и брызгалъ ему въ рожу (у него лапа мохнатая), все равно какъ свешенникъ *кропѣлкой*. Вася проглядывать сталъ.— „Ну-ко, левъ звѣрь батюшко, помогай-ко! я начинаю глядѣть!“—Самъ старался; протиралъ глаза лучше. Глядѣть сталъ онъ по-старому. Тогда онъ прославилъ Бога: „Слава Тебѣ, Господи! сталъ я глядѣть, теперь я не буду тужить!“

18. Сялъ на лева-звѣря, поѣхалъ свою жену названную искать. Заѣхалъ онъ по путѣ къ атаману и къ сестрѣ своей. Атаманъ разбойникъ увидѣлъ: „вонъ, — говоритъ: — слѣпой ѣдетъ на левѣ-звѣрѣ!“ — Атаманъ согласился выѣхать ево убить. А на немъ была ужъ сабля и ремень; соскочилъ съ лева-звѣря, изсѣкъ ево на мелки куски и сожогъ ево въ пепель. Въ комнаты заходитъ, сестрѣ своей выкопалъ глаза, слѣпую оставилъ въ комнатѣ. Поѣхалъ царскую дочь разыскивать.

19. Пріѣзжаетъ нечаянно въ 'осударство, ѣдетъ городомъ (гдѣ царь нашъ живѣтъ); и выстроены, — видитъ, — двѣ крѣпости (двѣ зданія), а на этихъ крѣпостяхъ на верхахъ повѣшены двѣ человѣческія головы. Вася и думаетъ: „неужели они етому и вѣрятъ, етими головами моляцца?! Дай я зайду спрошу въ избу: что, какіе это крѣпости? къ чѣму?“

Заходитъ въ одну избу; живетъ старикъ со старухой, только двоѣ. Старикъ кричитъ: „не ходи, не ходи! куды ты со звѣремъ идѣшь?“ — А онъ не разговариваетъ, идѣтъ прямо в'избу со звѣремъ. Старуха скочила на полати, а старикъ на печь: испужались, што онъ со звѣремъ идѣтъ. Онъ зашолъ, помолился Богу, поздоровался; старикъ сидитъ, ништо не говоритъ, глядитъ на нево. — „Што ты, дѣдушко, испужался, залѣзъ на печь?“ — „Какъ жо мнѣ не пужацца?! Ты со звѣремъ пришолъ!“ — „Мой звѣрь не пошевелить, не бойся!.. Што жо у васъ это за зданье; али вы етому вѣруите?“ — говоритъ. — „Нѣтъ, не вѣруемъ. Это вотъ што: задаѣтъ царская дочь задачи подрядчикамъ, а подрядчики не могутъ исправить такую крѣпость, въ какой она у разбойниковъ жила; вотъ подрядчиковы головы и висятъ“.

20. „Поди, дѣдушко, подряжайся! мы исправимъ, каку ей надо крѣпость“, — старику Вася говоритъ. — „Гдѣ, батюшко, исправить? я про себя *топорѣшиша* не умѣю изладить, не то что намъ такую крѣпость!“ — А былъ старикъ пьяница; старуха ево всё и *избываѣтъ*, старика: „Што жо, старикъ, когда тебя посылають, *тупай* рядисы!“ Старуха посылаетъ ево — „Да, старая сука, ты давно желаешь, съ меня штобы голову сняли! вишь подъ чево подводишь!“ говоритъ. — Сказалъ Вася: „*тупай*, дѣдушко, не заботься, исправимъ, будетъ

скорое время исправлена!“ — Старикъ одѣвался, къ царю отправлялся.

Приходитъ къ царю: „Ваше Царское Величество, которую крѣпость вы желаете съ дочерью, такую крѣпость я исправлю скорымъ временемъ тебѣ!“ — „Вотъ, старикъ, видѣлъ на крѣпостѣ человѣческія головы! если не исправишь, и твоя голова повѣсится на эту крѣпость!“ — Старикъ ишо удостовѣряетъ, што „исправлю скорѣемъ временемъ“. — Царь сказалъ на то: „што тебѣ денегъ надо сколько-нибудь?“ — „Какъ жо! какъ жо я безъ денегъ буду строить?“ — Царь приказалъ ему возъ денегъ нагрести, безъ счету.

Привозитъ деньги домой и говоритъ: „старуха, куды эти деньги?“ — Старуха говоритъ: „у насъ сундуковъ нѣтъ, вали вонъ въ уголъ (въ избу) эти деньги!“ — Тогда деньги выгребли; уѣхалъ подводчикъ. Старикъ и говоритъ: „куда я теперь? што будемъ дѣлать?“ — Васинька на то сказалъ: „пируй, больше дѣлать нечево старику!“ — Старикъ нагрузилъ денегъ вездѣ много, пошолъ пировать. Старухѣ долго ждать, когда онъ пропируеть; начала деньги ведрами по сусѣкамъ растаскивать. Старикъ пропѣецца, больше тово наладѣтъ [денегъ], опять идетъ въ кабакъ.

Приходитъ старикъ, видитъ: денегъ мало ужъ остаецца, повѣсилъ голову, задумался. Вася смѣтилъ дѣло: „Што, дѣдушко, бѣльно ты не весель?“ — „Да, денегъ нѣту, а мы ешо строицца не начинаемъ. *Знать-то*, головушка моя погінетъ!“ говоритъ. — „Не думай, старикъ, объ этѣмъ! седни лягъ проспѣйся, а завтра будемъ стрѣить!“

21. До вѣчеру доживаетъ. Вася вышелъ за городъ въ луга, потомъ взялъ дудочку, начинаетъ выдувать изъ дудочки народу. И столь онъ народу надулъ, што смѣты нѣтъ. Изъ ихъ одинъ говоритъ: „што ты покликашь насъ, на какі работы посылашь?“ — Сказалъ онъ *имя*: „вы мнѣ исправьте такую крѣпость, въ какой крѣпостѣ триста разбойниковъ убили, въ седнишнюю ночь!“ — „Намъ не выстроить въ ночь; ишо прибавъ народу, тогда мы приташшымъ еѣ изъ Уралу, туѣ крѣпость; приташшыть намъ лѣгше будетъ!“ — Набавилъ народу ешо не меньше тово; сказали, што теперь довольно будетъ. — Какъ приташшыте крѣпость, положьте меня на атаманову постелю, и старика со старухой тоже въ крѣпость!“

Поутру старикъ ставѣтъ и смотритъ: „Господи, я куды поцалъ, — знать въ острогъ!“ — Бѣдитъ свою старуху несчастно: „Стара сука, ставай, мы вѣдь съ тобой въ острогѣ спимъ!“ — Старуха проснулась, видитъ, што не во своей избѣ, и говоритъ: „старикъ, гдѣ мы теперь съ тобой заташшены?“ — Услыхалъ Васютка, пробудился, приходитъ къ старику: „Што ты; старикъ, горюешь?“ Вотъ што, дѣдушко, мы съ тобой теперь новую крѣпость выстроили, въ новой крѣпостѣ лежимъ!“ — „Неужеле вѣрно, батюшко?“ — „Вѣрно, такъ!“ — Посылаетъ ево къ царю крѣпость сдавать; а старухѣ наташшылъ пряниковъ, орѣховъ и канфѣтовъ, началъ старуху уважать: не тужитъ.

22. Старикъ приходитъ къ царю: „прими крѣпость, я выстроилъ!“ — Царь собралъ свою свиту, съ дочерью и съ женой отправился на пріёмку крѣпости. А у царской дочери на разбойницкой домъ былъ планъ составленъ (по *планту* угадаютъ или нѣтъ выстроить?). Доходятъ до дому; она развернула *плантъ*, на плантъ смотритъ и на домъ: вѣрно, едакой жо домъ выстроилъ старикъ! Царская дочь ударила по плечу старика: „ну, старикъ, угадалъ, *'нать-то*, ты мнѣ крѣпость выстроить!“ — Старикъ испужался, запнулся, у ево изъ *жѣны гѣло* ужъ *колышкой* пошло; подходитъ близъ дому, — ужъ у него и ноги нейдутъ: онъ думаетъ, што голова слетитъ у ево. — Заходитъ; знаетъ она, гдѣ ворѣты. Гдѣ чево было, всё тутъ, какъ есь! — „Ну, старикъ, молодецъ, угадалъ!“

А егеральской сынъ говоритъ: „теперь, царская княгиня, когда крѣпость угадали, такъ значить теперь можно съ тобой повѣнчаться?“ — „Погоди, — говоритъ: — не торопись!“ — Заходитъ въ этѣ поматы, въ другіе. Услыхалъ левъ-звѣрь, по разговору узналъ, што она идѣтъ, встрѣчу ей кинулся. Отворила двери, — звѣрь прямо ей на грудь, обрадовался и лъстицца; а царъ испужался: „Што такое, мила дочь, — говоритъ: — это?“ — „А вотъ, тятинька, — говоритъ: — если левъ-звѣрь здѣсь, такъ и названой мой мужъ здѣсь будетъ!“.

Подходитъ къ атамановой постели: Васинька лѣжитъ на постѣли. Разбудила ево. Васинька встаетъ, поздоровался: „Здравствуй, моя названная жена!“ — „Вотъ, тятенька, мой мужъ!“ — говоритъ: — я ево мѣжомъ назвала, какъ онъ выручилъ меня отъ разбойниковъ!“ — Царъ приказалъ ей повѣн-

чацца ужъ, дѣчери, съ Васинькой съ этѣмъ. А енеральской сынъ остается такъ.

23. Повѣячались; пошировали сколько время. Царская дочь благословила по смерть свою въ этой крѣпостѣ старику со старухой изжить. Онѣ пожили много время. Сталъ онъ [Васенька] у ей [у жены] просицца: „сестру привезти въ твоё государство дозволь! Тамъ она пропадѣтъ, какъ *падѣна*: не свящѣнниковъ, никово пѣтъ“.—Царская дочь ему приказала сестру привезти. Онъ прѣзжаетъ на левъ-звѣрѣ къ сестрѣ своей.—„Сестра! начинаемъ мы нынче съ тобой всю ночь Богу молица, а *заутрѣ* отправимся въ русское государство!“

Всю ночь Богу промолились. Поутрѣ вышли онѣ на утреннюю рѣсу; утренной росой промывали ей глаза. Глаза у ней глядѣтъ стали по старому. Приводить ее въ русское государство; обрядили ее въ хорошее платье. Пожилá она съ мѣсяць, потомъ направи́лась какъ трѣбно быть. Дѣвѣца она хорошая. *Загляну́лась* енаральскому сыну,—сталъ онъ у ево сватать ее. Выдалъ онъ за енеральскаго сына.

6. [Иванъ Царевичъ и Елена Прекрасная].

1. У царя были сынъ да три дочери. Царь сталъ помирать, сыну наказываетъ: „*Мотрѣ*, *пѣрво* дочерей отдай, а потомъ самъ женися!“ — Царь померъ; схоронили и помѣночки отвели. Поживаютъ годъ и два. Старшей сестрѣ стукнуло 30 лѣтъ, а второй было 26, младшей съ залишнымъ 20 годовъ. Время и Ивану царевичу женицца. Приходить къ сѣстрами на совѣтъ: „Што, сѣстры, стало быть,—за Вами женихи не прѣдутъ—мнѣ срѣду и не женицца?“ — Старшая сестра говоритъ: „запреги карету, поѣжжай: не найдѣшь ли въ чужой державѣ мнѣ жениха?“

Запрегъ золотую карету, поѣхалъ искать. Только поѣхалъ станцію,—ѣдетъ рыцарь не хуже ево на такой на золотой каретѣ же. — „Постой, Иванъ царевичъ, скажи мнѣ, куды ты поѣхалъ?“—Иванъ царевичъ сказалъ: „Есь у меня старшая сестра, охота мнѣ её замужъ отдать,